

ИСКАНДЕР ФАЗИЛЬ АБДУЛОВИЧ

Произведения.

«Два знака», 1960

И землю, и небо, и воды
Единый закон заковал.
Две линии есть у природы,
Два знака: зигзаг и овал.

Не выдумка это, поверьте!
Они существуют века,
Два полюса жизни и смерти,
Две линии, два врага.

Вы пьете свой чай или кофе,
Вы тянете с другом винцо,
Но где-то удар катастрофы –
И угол ломает кольцо!

Художник, не эти же клинья
Тебя стерегут на углах?
Зигзагом изломанных линий
В полотнах шевелится страх.

А если взглядеться по сути –
Причастные жизни черты
Округлы, как женские груди,
Как розы, как детские рты.

Округлы плывущие тучи,
Дождинки на мутном стекле,
Плоды над землю могучей
И клубни, что зреют в земле.

Праматерь-земля, наши лица
Отмечены общей судьбой,
Живое повсюду стремится
К посильному сходству с тобой.

Мы ягоды терпкие давим
Средь прочих трудов и утех,
Румяное яблоко славим
И круглый, как яблоко, смех.

«Ночь и день»

Частица смерти - ночь. Частица жизни - день.
Порой бессонницы пылающее бремя
В сон не дает переступить ступень.
Ревнует смерть за отнятое время.

Жизнь простодушнее - не смотрит на весы.

Мы просыпаемся, а солнце уж в зените.
Вот плата за бессонные часы.
Спокойна смерть и шепчет: спите, спите.

«Определение поэзии»

Поэт, как медведь у ручья.
Над жизнью склонился сутуло.
Миг! Лапой ударил с плеча.
На лапе форель трепетнула!

Тот трепет всегда и везде
Лови и неси сквозь столетья:
Уже не в бегущей воде.
Ещё не в зубах у медведя!

«Раньше»

Нам говорят: – Бывало раньше,
Случалось раньше – верь не верь,
Не говорю, что будет дальше,
Но раньше –это не теперь.

Не та весна, не та погодка,
Бывала раньше неспроста
Жирней селедка, крепче водка,
Теперь вода и то не та.

Не так солили и любили...
Попробуй, речи их проверь.
Но ведь и раньше говорили,
Что раньше – лучше, чем теперь.

В увеличительные стекла,
Как детство, старость смотрит вдаль.
Там выглядит царевной Фекла,
Гуляет нараспах февраль.

Там молодость кричала: – Горько! –
Д было сладко, говорят,
Недаром старость дальнотзорка,
Не отнимай ее услад.

И в этом нет жестокой фальши,
И надо этим дорожить.
Тем и прекрасна рань, что раньше
Жить предстояло, братцы, жить.

«Сдыхаю от тоски...»

Сдыхаю от тоски. И вдруг письмо поклонника!
Я востепенулся. Как Христос покойника,
Он оживил меня, нежданный адресат.

Как ты узнал? Как вовремя мой брат
Неведомый склонился к изголовью,
Все угадав далекою любовью.
Не раньше и не позже, в нужный миг
Любовь пересекает материк.
Вот чудо из чудес. Любовь есть Бог.
Из праха я восстал и вышел за порог.

«Хочу я в горы»

Хочу я в горы, в горы, в горы,
Где молодые облака
Рождаются у ледника.
Я не в беде ищу опоры,
Мне жизнью были эти горы,
Мне снятся влажные луга.

Хочу туда, где водопад
Летит, как брошенный канат,
Качаясь на лету,
Где, как раздавленный гранат,
Закат течёт по льду.

Туда, где лавровишен грозди,
Глаза чумазые скосив,
Глядят без робости в обрыв,
Где пастухи играют в кости,
На камне бурку расстелив.

Хочу я в горы возвратиться,
Хочу я видеть, как волчица
Скулит от ярости и ран,
Когда, клыки ломая, тщится
Железный перегрызть капкан.

А дым бродяжий? Невесомо
Клубится, обживая кряж..
Знакомый, сызмальства знакомый,
Стократ родней родного дома
Пропахший ельником шалаш!

Там над огнём, стекая жиром,
С шипеньем каплют на дрова
Круги задымленного сыра,
Тяжёлые, как жернова.

Там пастухи коров, мычащих
И вымя, как пудовый плод,
По травам и цветам влачащих,
К загонам гонят через чащи,
Через речной холодный брод.

Друзья, я с вами. И без клятвы
Мы слово держим, как топор.
А наши нервы крепче дратвы.
Верны мы сердцем сердцу гор.

Я к вам приду. Приду не в гости,
Пройдя охотничью тропу
От мелкой дружбы, мелкой злости
В большую, трудную судьбу.

И пусть, дыша в лицо мне жарко,
Распахивая мордой дверь,
На грудь мне кинется овчарка...
Я узнан! Лучшего подарка
Не надо. Скручена сигарка.
Легко, спокойно мне теперь.

* * *

«Баллада высоты»

В необозримой красоте
Кавказ ребристый.
Стою один на высоте
Три тыщи триста...

В лицо ударил ветерок,
Так на перроне,
Морозные, коснулись щек
Твои ладони.

Почти из мирозданья в даль
Хочу сигналить:
– Ты соскреби с души печаль,
Как с окон наледь.

Карабкается из лощин
На хвойных лапах
Настоянный на льдах вершин
Долины запах.

Толпятся горы в облаках,
Друг друга грея,
Так дремлют кони на лугах,
На шее – шея.

Так дремлют кони на лугах,
На гриве – грива.
А время движется в горах
Неторопливо.

Прости несвязные слова,
Сердечный приступ.
Слегка кружится голова –
Три тыщи триста...

Вершину трогаю стопой,
А рядом в яме
Клубится воздух голубой,
Как спирта пламя.

Нагромождение времен –
Пласты в разрезе,
Окаменение и сон

Вселенской спеси.

Провал в беспамятные дни,
Разрывы, сдвиги,
Не все предвидели они –
Лобастых книги.

Но так неотвратим наш путь
В любовь и в люди,
Всеобщую я должен суть
С любовной сутью

Связать, соединить в горсти,
А там мы сами...
Связать! Но это не свести
Концы с концами.

Связать! Иначе прах и дым,
Без слез, без кляуз,
Так, мавром сказано одним,
Наступит хаос.

Связать! Иначе жизни нет,
Иначе разом
Толчок! И надвое хребет
Хребтом Кавказа.

«Воспоминание о школьном уроке»

Я спросил у учителя робко:
– Что такое черепная коробка?
– Черепная?! – воскликнул учитель
И одернул мучительно китель.–
Что за странный вопрос? Черепная...

Это в общем коробка такая,
Где хранится наш разум и опыт,
Что веками учения добыт.
Потому в историческом плане
Мы рассмотрим вопрос...

Перед нами
Среднерусская наша равнина,
А на ней Святослав и дружина.
Что мы видим? Картина знакома.
Пир горою. Все пьют из шелома.
Но, обычай народный поправ,
Пьет из черепа князь Святослав.

И, конечно, он в этом неправ,
Ибо череп – священный сосуд,
Из которого, к счастью, не пьют.
Так вино и отрыв от дружины
Разлагали устои общины.
Вывод, думаю, всем будет ясен:
Алкоголь для здоровья опасен.

Вновь спросил я смущенно и робко:

– Что такое черепная коробка?

– О, тупица! – воскликнул учитель,
Раскрывая зловеще журнал, –
Назови мне такую обитель,
Где бы твой педагог не стонал.
Вот указка. Вот карта. К доске!

...Я проснулся в ужасной тоске.

«Дедушкин дом»

Да пребудут прибиток и сила
В том крестьянском доме до конца.
Его крыша меня приютила,
Не от неба – от бед оградила,
Без него моего нет лица.

Славлю балки его и стропила,
Как железо, тяжёлый каштан.
Червоточиной время точило
Его стены.
Войною когтило
Душу дома,
Да выжил чудила,
Хлебосол, балагур, великан!

Так пускай же огонь веселится,
Освещая могучие лица
Молчаливых, усталых мужчин.
Приспущены женщин ресницы,
Веретёна кружат. Золотится
Старый дедовский добрый камин.

Дым очажий во мне и поныне.
Он со мной. Он в крови у меня,
Обжитой, горьковатый и синий.
...Дом стоял на широкой хребтине,
Как седло на спине у коня.

Двор округлый, подобие чаши,
Алычю да сливой обсажен,
Под орешней раскидиста тень.
Мытый ливнями череп лошажий,
Он на кол на плетнёвый насажен,
Нахлобучен, надет набекрень.

Неба мало столетнему грабу.
Тянет яблоня мшистую лапу,
Ядра яблок бодают балкон.
По капле узнай, по капле
И на щёлканье, и на звон
Зрелый плод. Он румяней и круче.
Чаще в полдень звездою падучей
Детству под ноги рушится он.

Тёплый вечер и сумрак лиловый.
Блеют козы. Мычит корова.
К ней хозяйка подходит с ведром,
Осторожно ласкает имя,
Гладит тёплое, круглое вымя,
Протирает, как щёткой, хвостом.

Жадно пальцы сосцы зажали.
Зазвенели, потом зажужжали
Струйки синего молока.
...Я не знаю, что это значит:
Храп коня или лай собачий
Всё мне слышится издалека.

И когда мне теперь неуютно,
И какая-то горечь подспудно
Лезет горлом, сжимает виски,
Глядя в тёплую темень ночную,
Тихо-тихо сквозь зубы шепчу я:
– Милый дедушкин дом, помоги!

Помоги мне. Неужто напрасно?
Или чем-нибудь веку опасна
Родниковая ранняя рань?
Дай мне силы раздвинуть плечи,
Слово вымолвить по-человечьи,
Первородную свежестью грянь!

«Детство»

Какая это благодать!
Я вспоминаю, ночью летней
Так сладко было засыпать
Под говор в комнате соседней.

Там люди с нашего двора,
У каждого свой странный гонор.
Мир, непонятный мне с утра,
Сливается в понятный говор.

Днем распадется этот круг
На окрики и дребезжанье.
Но сладок ночью слитный звук,
Его струенье и журчанье.

То звякнут ложкой о стекло,
То хрустнут кожурой ореха...
И вновь обдаст меня тепло
Уюта, слаженности, смеха.

И от затылка до подошв,
Сквозь страхи детского закута,
Меня пронизывает дрожь,
Разумной слаженности чудо.

Я помню: надо не болеть
И отмечать свой рост украдкой,

И то, что долго мне взрослеть,
И то, что долго – тоже сладко.

Я постигаю с детских лет
Доверчивости обаянье,
Неведенья огромный свет,
Раскованность непониманья.

Да и теперь внезапно, вдруг
Я вздрогну от улыбки милой.
Но где защитный этот круг
Превосходящей взрослой силы?

Бесплодный, беспощадный свет
И перечень ошибок поздних...
Вот почему на свете нет
Детей, растерянное взрослых.

«Завоеватели»

Крепость древняя у мыса,
Где над пляжем взнесены
Три библейских кипариса
Над обломками стены.

Расчлененная химера
Отработанных времен
Благодушного Гомера
И воинственных племен.

Шли галеры и фелюги,
С гор стекали на конях
В жарких латах, в пыльной вьюге,
В сыромятных кожухах.

Греки, римляне и турки,
Генуэзцы, степняки,
Шкуры, бороды и бурки,
Арбы, торбы, бурдюки.

Стенобитные машины
Свирепели, как быки,
И свирепые мужчины
Глаз тарасили белки.

Ощетинивали копыя,
Волокли среди огня
Идиотское подобье
Деревянного коня.

Очищали, причащали,
Покорив и покарвав,
Тех, кто стены защищали,
В те же стены вмуровав.

И орлы, не колыхаясь,
Крыльев сдерживали взмах,

Равнодушно озираясь,
На кровавых головах.

Л внизу воитель гордый
Ставил крепость на ремонт,
Ибо варварские орды
Омрачали горизонт.

Стенобитые машины
Вновь ревели, как быки,
И свирепые мужчины
Глаз тарасили белки.

Печенеги, греки, турки,
Скотоложцы, звонари,
Параноики, придурки,
Хамы, кесари, цари:

– Протаранить! Прикарманить
Чтобы новый Тамерлан
Мог христьян омусульманить,
Охристьянить мусульман.
И опять орлы, жирея,
На воздетых головах
Озирались, бронзовея
В государственных гербах.

Плащ забвения зеленый
Наползающих плющей,
И гнездятся скорпионы
В теплой сырости камней.

«Когда летит на черноморские долины...»

Когда летит на черноморские долины
Усталый запах вызревших плодов,
Тогда кончается сезон перепелиный,
Охотники пускают ястребов.

Что ястребу? Ему бы в небо взвиться,
Но, странную тревогу затая,
По-своему грустит и плачет птица
И не спешит в далекие края.

Бездомный дух, горячая истома,
Дух перелета головы пьянит.
А ловчий ястреб кружится у дома
И даже сесть на руку норовит.

И на него в смятении похожий,
Предчувствием хозяин оглушен:
Ведь, что ни говори, товарищ, все же
Еще один окончился сезон.

Что ястреб мне? Что ястребиный коготь?
Свою беду не выдам никому,
Но та привязанность не может не растрогать,

Хотя она, конечно, ни к чему.
